

ИНТЕРВЬЮ

Синестезия естественного развития: личный опыт, научные исследования и культурные явления

Интервью с исследователем синестезии, руководителем исследовательской группы «Синестезия: дети и родители» Центра междисциплинарных исследований современного детства Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), старшим преподавателем Московского педагогического государственного университета (МПГУ) Антоном Викторовичем Сидоровым-Дорсо и синестетом Анжелиной Михайловной Кофман, студенткой 4 курса отделения клинической психологии ПМГМУ им. Сеченова. Наша беседа посвящена научной, социальной и личностной составляющих синестезии. Беседе вела Анна Шведовская, к.психол.н., доцент кафедры возрастной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ).

- Что вас связывает с синестезией?

А.Дорсо: Я исследую синестезию уже более десяти лет, являюсь членом дирекции Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки, а также основателем и научным куратором Российского синестетического сообщества. В этом году мы инициировали проведение научного симпозиума по синестезии в Московском государственном психолого-педагогическом университете и в Консерватории имени П.И. Чайковского.

А.Кофман: Восемь лет назад я узнала, что то, что я чувствую, — это синестезия. И с тех пор я стараюсь участвовать в каких-то мероприятиях и вообще узнавать что-то новое, что происходит в этой области. Как синестет участвовала в проекте создания приложения для мобильных телефонов (*прим. ред.:* проект «Синестеты» <https://ria.ru/20181115/1532746362.html>).

- Что такое синестезия? Расскажите об основных направлениях обсуждения этой темы в культуре, науке, искусстве.

А.Дорсо: У синестезии много аспектов — научный, общественный, личный. Изучение синестезии как явления носит междисциплинарный характер — его изучают с точки зрения психологии, нейрофизиологии, психогенетики. Наша ассоциация (*прим. ред.:* International Association of Synaesthetes, Artists, and Scientists (IASAS) <http://www.theiasas.com>) старается внести свой вклад в то, чтобы как можно больше ученых, в том числе и молодых, заинтересовались этой темой. И здесь возникает общественный аспект — распространение знаний о синестезии. Синестезия касается относительно большого числа людей. Если 4% населения обладает синестезией, то это миллионы и миллионы людей, просто они об этом могут не знать. Для них то, что они чувствуют воспринимается естественно и они не идентифицируют себя как синестетов. Таким образом, важно учитывать и аспект личного отношения к синестезии. Если вы синестет, что это может для вас значить? Ассоциация ставит перед собой такую миссию — как можно шире раскрыть, что это за явление, как часто оно проявляется, является ли наследственным, как оно раскрывается в индивидуальном плане. Таким образом мы пытаемся распространить информацию, во-первых, среди ученых, во-вторых, объяснить синестетам, что же такое синестезия, в-третьих, навести мосты между самими синестетами и исследователями.

В России синестезия не исследовалась давно, со времен Александра Лурия, который написал «Маленькую книжку о большой памяти», содержащую главу о синестезии. И он прекрасно раскрывает, что синестезия — это не просто некое изолированное явление, оно пронизывает структуру личности. Он называет это «синдромом личности».

Приведем несколько примеров видов синестезии. Примером синестезии графемно-цветового типа является восприятие букв в цвете. То есть при восприятии алфавита родного языка на слух или при зрительном восприятии отдельных символов алфавита (конкретных букв-графем) у человека непроизвольно и абсолютно неподконтрольно его волевой регуляции возникает ощущение цвета. Допустим, «А» красное, «О» белое, «И» синее и так далее. Причем это не поддается какому бы то ни было семантическому анализу, то есть мы не можем никак расшифровать, почему «И» синяя, потому что «И» может быть не синяя, а, допустим, зеленая. Это никак не связано со словами, которые содержат эти буквы. Единственное, есть гипотеза, которая связана с распространенностью и частым использованием в речи и письме, например, буквы «А» и ее связью с красным цветом. То есть чем чаще встречается буква, тем она ярче. Первые буквы самые яркие и получают самую яркую окраску. Ближе к концу алфавита буквы становятся серыми, коричневыми. Никаким образом в опыте синестета это не закодировано. И когда наши австралийские коллеги решили провести большое демографическое исследование большой выборки синестетов с одновременным анализом печатной продукции в Австралии в тот период, когда происходила социализация ребенка, они не нашли никакой связи. То есть азбука имеет одни цвета, а у синестетов другие цвета. Таким образом, мы имеем определенный набор знаков, который называется семиотической категорией, систему опосредующих символов, которые мы используем для познания мира, для построения речи или письма. И эти семиотические категории обретают дополнительные сенсорные ощущения.

Другим примером могла бы быть цветная музыка, восприятие определенных тонов или отдельных ладов, сопровождающиеся сенсорными элементами цвета.

Если мы начнем комбинировать семиотические категории с сенсорными системами, которых у нас не пять, а гораздо больше, то этих комбинаций получается больше 120.

Еще пример. Мои исследования включают в том числе и аурическую синестезию. Аурическая синестезия — это когда у синестета возникает цветовая реакция на типаж человека. И он видит либо проекцию ауры вокруг головы, либо просто переживает ощущение цвета при восприятии конкретного человека. Некое ощущение, что вот этот человек — синий, ультрамариновый. Берется определенная система либо людей, либо букв, либо звуков, либо математические формулы, и они приобретают вот такой новый, нетипичный «сенсорный окрас» в виде цвета, вкуса, текстуры, объемных биоморфных фигур и т.д..

- Различают ли синестеты реальный образ и привнесенный синестетическим восприятием?

А.Кофман: Когда я читаю, я вижу особенными какие-то слова или отдельные буквы. Я понимаю, что все буквы черного цвета, но моим внутренним взором они воспринимаются определенного цвета, фактуры. Разделение есть, я понимаю, что это именно мое восприятие.

- Мешает ли Вам синестезия?

А. Кофман: Мешает мне больше всего, когда я сталкиваюсь с людьми, у которых мне не нравятся имена на вкус или на цвет. Это бывает довольно неудобно, потому что вообще я люблю обращаться к людям по имени, и когда у человека какое-то неприятное и «невкусное» имя, мне сложно общаться. Приходится придумывать обходные пути. С друзьями проще, им, например, можно придумать им ласковые прозвища.

- Могут ли синестетические ощущения отвлекать от происходящего вокруг?

А. Кофман: Неприятные отвлекают. Но я умею концентрироваться. У меня смешивается много модальностей – у каких-то объектов я могу видеть только цвет, где-то я могу еще почувствовать запах, где-то еще фактуру. Получается такая довольно красочная мешанина, иногда приходится концентрироваться и стараться абстрагироваться от этого.

- Сейчас Вы назвали две стратегии совладания при неприятных переживаниях — концентрация и замещение: придумывать ласковые имена или абстрагироваться. Какие еще могут быть приемы самопомощи?

А. Дорсо: Наверное, только 5% синестетов жалуются на то, что это мешает, а 95% говорят, что не хотят потерять эту способность, она придает им индивидуальность.

Есть две стратегии реализации своих синестетических качеств. Первая – принять себя и интегрировать синестетические способности в свою деятельность. Раз для вас человек может быть какого-то вкуса, вы начинаете развивать эту тему для себя и становитесь, например, художником, музыкантом, шеф-поваром.

Вторая стратегия — изолироваться. Я знаю сложные случаи многофакторной синестезии, когда человек не может находиться в центре города, потому что это его сильно захватывает. Сразу возникают цветные потоки от шума. И в этом случае помогает сенсорная изоляция, например, наушники. Если у Вас вкусовая синестезия, то помогают леденцы, которые сглаживают вкусовые реакции. Это никак не отличается от стратегий сенсорной изоляции людей с обычным профилем восприятия.

- Какой из ста с лишним видов синестезии встречается наиболее часто?

А. Дорсо: Синестезию часто условно называют врожденной. Например, если у женщины-синестета рождается девочка, то вероятность наследования 50-70%, а если у мужчины-синестета рождается сын — 10-15%. Если от матери к сыну, то средние числа где-то 30-40%. Но влияние среды и социализации на развитие синестезии столь же велико. Этот вопрос я называю «антропология синестезии». Мы с Вами разделяем письменную культуру, в которой широко распространена графемно-цветовая синестезия. При этом в западной культуре шире распространена графемно-цветовая синестезия, а в российской культуре — музыкальная. Это зависит, вероятно, от того, как культура обращается в присущих ей стратегиях обучения и воспитания с символическим контекстом – как учит музыке, письму и т.д..

- В 2019 году вышла в свет книга «Синестезия: мнения и перспективы» под Вашей редакцией (МГППУ, 2019 год). Какие цели у этого издания? Кто его читатель?

А. Дорсо: Когда мы задумывали проведение Международного научного симпозиума «Синестезия: межсенсорные аспекты познавательной деятельности в науке и искусстве» (*прим. ред.:* сайт <https://iasasevents.com/synmoscow2019>), то встал вопрос, как распространить знания о синестезии, если в России из тех, кто занимался синестезией, был Александр Лурия 50 лет назад. А дальше это были только аннотации, обзоры или анализ уже имеющихся данных. Наш сборник — это сборник интервью с учеными, художниками, просто синестетами с активной общественной позицией, так называемые амбассадоры и популяризаторы синестезии, участвующие в медийных и художественных событиях, и так далее и рассказывающие доступным языком о ключевых вопросах синестезии.

Среди авторов есть, например, Лидл Симпсон, который очень рано потерял слух. У него синестезия является компенсаторной функцией. То есть проявляется в ответ на наблюдаемые движения: если он, например, видит какие-то резкие движения, он «слышит» резкие звуки. Я думаю, что, познакомившись с выпущенной книгой, читатель получит современные представления о том, как исследуется синестезия и какие вопросы ставятся в мировой науке. На какие вопросы мы уже смогли получить ответы, в чем исследователи еще сомневаются, какие вопросы задают о феномене, и вообще — что такое быть синестетом.

- Говоря о личном опыте, как Вы открыли для себя, что Вы синестет?

А. Кофман: Мне было пять лет. Мама меня одевала и сказала: «Давай сейчас наденем куртку». И я в этот момент подумала: почему такое вкусное слово означает несъедобное? Тогда это меня повергло в какой-то странный шок. С этого момента я и запомнила, что воспринимала слова на вкус. О том, что это называется именно синестезия, я узнала где-то восемь лет назад. Случайно прочитала и поняла, что это про меня.

Маме я об этом сказала поздно, когда мне было 13 лет. Я смотрела передачу о том, как люди воспринимают разные предметы. В сюжете исследователь показывал две фигуры людям и спрашивал, что из этого «кики» и «буба». Чаще люди говорили, что «кики» — те фигуры, которые с острыми углами, а «буба» более округлая (*прим. ред.:* Эффект «буба — кики» <https://postnauka.ru/lists/96516>). Я не помню точно, относилось ли это конкретно к синестезии, потому что там я тогда не услышала это слово. Если бы я посмотрела передачу до конца, может быть, я еще тогда узнала бы, что это синестезия, а так потребовалось еще несколько лет, чтобы случайно наткнуться на данное определение.

- Возникают ли у Вас новые реакции или синестезия неизменна?

А. Кофман: Я помню, что, когда я делала тесты с буквами, мне в течение года или полугода казалось, будто некоторые буквы в алфавите поменяли свой цвет. То есть сначала каждая буква была своего цвета, но через полгода-год при повторном тестировании оказалось, что 2-3 буквы поменяли свой цвет.

А. Дорсо: Дело в том, что в науке главное — доказать, что это существует, и доказать в обход субъективности. А синестезия — это парадоксальное явление, которое кроме как в субъективности нигде не проявляется. Есть золотой стандарт в синестезии — это последовательность реакций. Она меряется таким образом: человеку дается плашка с градиентом, нам с вами будет трудно определить конкретный цветовой тон, связанный с каким-то явлением, мы будем путаться, а для синестета малые градации цветового тона

уже обозначают отход от истины. Мы даем ему 99 проб, компьютер сравнивает пробы друг с другом и меряет время реакции. Потом мы привлекаем синестета через год, так же проводим с ним ре-тестовые процедуры и получаем цветные пробы, эти пробы сравниваются с первыми.

- Есть ли какие-то нормативы при определении синестезии?

А.Дорсо: Да, есть. Но чем меньше изменений, тем вероятнее, что перед нами синестет. Однако несколько лет назад была написана статья. В ней был поставлен вопрос, является ли золотым стандартом неизменность, потому что все-таки с возрастом буква может становиться менее яркой или менять окрас. Есть некоторая мера допущения.

- Может ли психофизиология помочь в изучении синестезии?

А.Дорсо: Да, тесты Струпа, адаптированные под реакции конкретных испытуемых-синестетов, в которых ключевую роль в запуске эффекта Струпа играет именно субъективное восприятие цвета. Есть еще использование фМРТ. Некоторые исследователи сейчас сильно в этом начали сомневаться больше из-за методологических вопросов, но сообществом принимается версия того, что в какой-то момент у синестета возникает метаболическая активность в коре головного мозга в центрах восприятия цветных реакций.

Синестезия — это такое естественное явление, которое может нам позволить лучше понять и нейроразнообразие человека, и его творческую природу, и как эта творческая природа проявляется на генетическом и психофизиологическом уровнях. Для меня эта тема очень серьезная. Нельзя упускать такую возможность, когда вам природа дает некое поле исследования, которое все еще требует изучения, а некоторые факты остаются не раскрытыми.

Дата записи: 15 октября 2019 года

Дата публикации: 05 ноября 2019 года